

A movie poster for the film 'Matreshki'. The background is a dark, moody scene of a woman with wet hair and a dark jacket, looking down in the rain. Other people are blurred in the background. The text is overlaid on the lower half of the image.

Татьяна Осина

Матрешки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Татьяна Осина

Матрешки

«Автор»

2026

Осина Т. Г.

Матрешки / Т. Г. Осина — «Автор», 2026

«Матрёшки» — это хроника одного падения и одного, отчаянного, подъема. История не про героев, а про хрупкость нормальной жизни и про то, как выживают, когда для надежды осталось лишь клочок бумаги и память о своем имени. Объявление: «Работа за границей для девушек. Без опыта. Зарплата от 3000 евро. Поможем с документами». Реальность: День 1. Паспорт изъят. Связь — раз в неделю под контролем. «Долг» за жилье и билеты — 15 000 евро. Работа не та. Выхода нет. Лера попала в этот конвейер. Ее сестра Майя, пытаясь поднять тревогу, сталкивается с отлаженной системой: полиция, где ей говорят «она совершеннолетняя», фальшивые контракты и вербовщики-призраки. Жёсткое, выверенное психологическое чтение 18+. Содержит сцены принуждения, торговли людьми и ненормативную лексику. Автор не судит жертв, а вскрывает механизм.

© Осина Т. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. АЭРОПОРТ	6
ГЛАВА 1. ВАКАНСИЯ	9
ГЛАВА 2. ДЕПОЗИТ	11
ГЛАВА 3. ТРАНСФЕР	13
ГЛАВА 4. ВНУТРЕННИЕ ПРАВИЛА	16
ГЛАВА 5. СУТКИ ТИШИНЫ	19
ГЛАВА 6. КОМНАТА БЕЗ ЧАСОВ	22
ГЛАВА 7. МАРШРУТ	25
ГЛАВА 8. ТАБЛИЦА ДОЛГОВ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Татьяна Осина

Матрешки

ПРОЛОГ. АЭРОПОРТ

Телефон: 03:17. Москва. Здесь, на табло: 01:17.

Лера продолжала считать время «домашним». Как будто это удержит её в прежней жизни. Пока вокруг: шуршат чемоданы, хрипят объявления на чужом языке. Запах аэропорта: кофе, пластик, холодный металл, чужие сладкие духи.

Она стояла у стеклянной стены, у выходов. Смотрела на встречающих. Букеты. Картонки с фамилиями. Объятия. Нормальная картинка. За которую можно держаться, когда внутри дрожит что-то маленькое, стыдное: «А вдруг я ошиблась».

В руке — паспорт. В другой — телефон. Открыт чат: «Работа. EU. Быстрый старт». Сообщение от «Карины HR» с улыбающимся смайлом: «Лера, вы большая молодец, что решились. На месте вас встретят. Главное — держите телефон включённым и не выходите из зоны прилёта».

Координатор. Слово из нормальной жизни. Из тех статей, что Лера читала ночами, откладывая на билет: «главное — легальный договор», «главное — проверяйте агентство».

Она проверяла. Гуглила. Видела одинаковые фразы. Думала: ну и что, люди копируют. Ей нужно было верить. На вере держалось всё. Билет. Мамино молчаливое «ну попробуй». Долг за обучение, который «вернётся из первой зарплаты».

Телефон завибрировал. Сообщение.

Координатор Ева:

Лера, вы где именно? Опишите ориентир. Мы рядом.

Лера ответила, глядя на вывеску: «Baggage Claim / Выход». Пальцы влажные, хотя в зале прохладно.

Координатор Ева:

Отлично. Станьте у стойки информации. Будет женщина в сером пальто. Не разговаривайте с посторонними. Это важно для вашей же безопасности.

«Безопасность» звучало почти смешно. Но стало легче: значит, схема настоящая. Ждут.

Женщина в сером пальто появилась уверенно. Не оглядывалась. Держала телефон экраном вниз.

— Лера? — по-русски. Голос спокойный, без акцента.

— Да. Я... да.

— Ева. Пойдём. Тут не стоим.

Ева выглядела старше, чем в переписке. Сухое лицо, аккуратный хвост, пальто серое, обувь удобная. Не улыбалась. Это внушало доверие.

— Как долетела?

— Нормально. Пересадка задержалась.

Ева кивнула, протянула руку:

— Паспорт, пожалуйста. Надо оформить регистрацию.

Лера замедлила на полсекунды. Внутри — волна осторожности. Но потом — другой голос, который она тренировала: «не позорься. это нормально».

Она отдала паспорт.

Ева убрала его в тонкую папку. Безразлично.

— Телефон заряд есть?

— Семьдесят два процента.

— Хорошо. Слушай. Сейчас выйдем. Там машина. В машине не включай геолокацию. Не выкладывай сторис. Есть люди, которые охотятся на приезжих. Поняла?

«Люди, которые охотятся». Лера хотела спросить, но Ева уже шла. Пришлось идти рядом. Они прошли мимо обмена валют, мимо кофейни, через стеклянные двери — наружу.

На улице было темнее. Парковка светилась жёлтыми фонарями. Машины вдоль тротуара. Ева шла быстро. Лера не отставала, чемодан цеплялся за швы асфальта.

— Сестре напиши, что долетела, — сказала Ева неожиданно. — Пусть не волнуется. Потом телефоны переведём на местные симки.

— Переведём?

— Да. Так удобнее. И дешевле.

Лера остановилась, достала телефон. В семейном чате — сообщения от сестры. Короткие, тревожные.

«Ты как?»

«Я не сплю. Напиши...»

«Лер...»

Лера нажала на микрофон. Голосовое.

— Май... я долетела. Всё нормально. Меня встретили. Сейчас еду в... — запнулась. Не знала, куда. — В общежитие, наверное. Устроюсь — напишу. Не психуй. Люблю.

Отправила. Галочки серые. «Дойдёт позже». Сунула телефон в карман.

Ева остановилась у тёмного минивэна. Внутри — тусклый свет. За рулём мужчина лет сорока пяти. Обычное лицо, которое не запомнить.

Ева открыла дверь.

— Садись сюда. Чемодан рядом. Быстро.

Лера забралась внутрь. Запах: дешёвый освежитель, резина, влажная ткань, чуждая усталость. На соседнем сиденье — чужая сумка. Она не первая.

— Привет, — сказал водитель по-русски. Спокойно. Без улыбки. — Далеко не поедем.

— А... куда? — вырвалось у Леры.

Ева закрыла дверь, села рядом, слишком близко.

— Сначала в офис. Подпишем бумажки. Потом жильё. Не переживай, это стандарт.

«Офис». Опять нормальное слово.

Машина тронулась. Фонари поплыли по стеклу. В отражении — её бледное лицо, слишком большие глаза. Она снова достала телефон: не ответила ли Майя?

Экран мигнул. Сеть пропала. «Нет обслуживания».

— Бывает, — сказала Ева, увидев её взгляд. — Тут на выезде глушит.

Лера попыталась улыбнуться.

— У меня... сестра нервная.

— Сестра успокоится, когда ты зарплату получишь, — сказал водитель, не оборачиваясь.

Ева протянула руку:

— Дай телефон. Я проверю симку. Скажу, где купить местную. Тут есть нюансы. Лучше я. Прозвучало как забота. Почти как старшая.

Лера отдала телефон.

Ева положила его на колени, наклонилась, быстро нажала. Лера увидела, как её голосовое в чате с сестрой подсветилось, будто его выделили. Потом экран потух — Ева нажала кнопку сбоку.

— Всё, — сказала Ева. — Потом отдаём.

Машина набирала скорость. Аэропорт остался позади. Вывески стали редкими, язык — непонятным. Дорога уходила в темноту.

Лера сжала ремень безопасности. Будто ремень мог удержать не тело, а реальность.

— Сколько ехать? — спросила она.

— Недолго, — ответила Ева. — Ты же взрослая девочка. Всё будет хорошо.

Лера кивнула. Потому что взрослые девочки не задают много вопросов. Не паникуют в чужой машине на чужой дороге.

Она закрыла глаза на секунду. И внутри что-то щёлкнуло. Как замок.

Когда Лера снова открыла глаза, она уже не помнила, когда в последний раз держала в руках свой паспорт.

А в Москве Майя нажала на голосовое сообщение сестры. Вместо голоса — короткий сухой скрип. Будто пальцем провели по микрофону.

Затем — тишина.

ГЛАВА 1. ВАКАНСИЯ

За две недели до вылета, в ту самую глухую, липкую от бессонницы ночь, когда цифры долга на экране начинали пульсировать в такт вискам, а лицо матери в памяти казалось высе-
ченным из одного сплошного усталого сожаления, Лера поймала взглядом всплывающее объ-
явление.

Оно выглядело не просто прилично — оно сияло глянцевой, отполированной до блеска
нормальностью, как страница дорогого журнала, случайно затесавшаяся в помойный поток
грубых предложений. «Администратор/хостес в премиальную сеть отелей ЕС». Далее — чёт-
кий, гипнотизирующий перечень: «перелёт и трансфер оплачиваются», «полный пакет прожи-
вания и питания предоставляется», «легальный контракт с медицинской страховкой», «пол-
ное сопровождение и помощь в оформлении документов от проверенного агентства». Внизу
— лаконичный, современного вида логотип, сочетание синего и серебристого, и телефон. Не
просто номер, а фраза: «Горячая линия для кандидатов. Отвечаем24/7».

Она позвонила сразу, не думая, подчиняясь импульсу отчаяния, смешанного с последней
надеждой. И ей ответили мгновенно. Без гудков, без ожидания, будто на том конце провода
дежурили специально для неё.

Голос «Карины HR» был идеальным. Ровным, тёплым, но не слащавым, профессио-
нально-сочувствующим, как у хорошего терапевта или менеджера премиум-банка. Он звучал
с такой незыблемой уверенностью в фактах и процедурах, что все робкие вопросы Леры — «а
где именно находится ваш офис, можно адрес?», «а можно ознакомиться с проектом договора
заранее?», «а почему такой срочный набор?» — начинали казаться ей самой нелепыми, диле-
тантскими, почти оскорбительными для этого безупречного порядка.

Карина парировала каждую реплику мягко, но не оставляя ни малейшей щели для сомне-
ний. «В Европе, Лера, ценится скорость и эффективность, бюрократия там сведена к мини-
муму — мы действуем по их правилам». «Сначала стандартное собеседование и анкетиро-
вание для визовой поддержки, контракт всегда подписывается уже на месте, в присутствии
европейского партнёра — это и безопаснее для вас, и быстрее». «Места действительно разби-
рают активно, но ваш профиль нам очень интересен, мы готовы вас бронировать». Каждое
слово было кирпичиком, аккуратно укладываемым в стену, отгораживающую Леру от хаоса
её жизни.

Встреча в «офисе» стала первым микроскопическим сдвигом в этой идеальной картине.
Офисом это называлось с большой натяжкой. Комнатка на третьем этаже бизнес-центра, чья
былая респектабельность теперь проступала пятнами на потолке и поскрипывающим линоле-
умом. Два стола, старая кофе-машина с подтёком, стопки папок с непонятными шифрами вме-
сто названий. Лера, зайдя, отметила всё сразу, остро, как животное: отсутствие вывески на
двери, просто номер 307; доносящийся из коридора ссору на повышенных тонах; девушку,
дремлющую у пустого столика, которая на вопрос об агентстве только пожала плечами: «Там
часто меняются, не знаю я».

Но рядом уже ждала Карина — живое воплощение телефонной уверенности, в строгом
жакете, с планшетом в руках. И Лера, чувствуя подколенную дрожь, сознательно выбрала,
на что смотреть. Она ухватила за распечатанный список необходимых документов, отпеча-
танный на хорошей бумаге. За печать, стоящую на её анкете, — пусть и не очень понятную.
За безапелляционные, лишённые тени колебаний фразы Карины, которые заглушали шепот
инстинкта.

В конце, когда формальности были почти улажены, Карина, откинувшись на спинку
кресла, произнесла ключевую, отлитую из стали фразу. Она говорила не как продавец, а как
инвестор, делающий выгодное вложение:

— Вы должны понимать, Лера, что наша компания не просто трудоустраивает. Мы инвестируем. Инвестируем в ваше будущее, в ваш старт в новой стране. Поэтому существует небольшой, полностью возвратный депозит. Он покрывает предварительное оформление рабочих виз, административные издержки нашего европейского партнёра и обязательный краткий курс «Стандартов сервиса и коммуникации в международной среде». Без этого портфолио вас просто не допустят до работы. Не волнуйтесь, — она сделала паузу, позволяя слову «депозит» повисеть в воздухе, очистившись от дурных ассоциаций, — вся сумма будет полностью возвращена вам после получения первой полноценной зарплаты. Это стандартная гарантийная практика.

Слово «депозит» действительно прозвучало солидно, почти респектабельно. Оно не имело ничего общего с ростовщическим «долгом» или криминальным «залогом». Это было деловое условие. Лера, кивая, подписала бумагу об ознакомлении с условиями. Она оставила на столе копии своего паспорта, внутреннего и заграничного, чувствуя, как они становятся не просто документами, а разменной монетой. В тот момент она думала так: это всего лишь первый, внешний, самый очевидный слой. Раз под ним — печати, списки, деловой тон, значит, и все последующие слои окажутся такими же прочными, такими же нормальными. Нужно просто пройти вглубь, и там найдётся обещанная твёрдая почва.

ГЛАВА 2. ДЕПОЗИТ

Сумма, которую требовалось собрать, не была астрономической, но для Леры, чьи финансовые резервы давно превратились в выжженную солончаковую пустыню, она казалась горой. И эту гору она начала взбираться быстро, нервно, оставляя на склонах клочья самоуважения и ожоги стыда. Деньги добывались «быстро и грязно», как она сама мысленно окрестила этот процесс, превратившийся в череду унижительных транзакций.

Сначала — подруга детства, Аня, с которой уже два года не виделись, но которая всё ещё отвечала на сообщения. Разговор был неловким, напичканным паузами и извинениями со стороны Леры. Аня перевела половину суммы, сказав: «Только, чур, верни. Сама в ипотеке». Эти слова, «в ипотеке», прозвучали как упрёк нормальности, которую Лера теряла. Потом — старый ноутбук, верный спутник студенческих лет. Его продали на авито за треть реальной стоимости парню с бегающими глазами, который торговался до последнего, ковыряясь в корпусе грязным ногтем. Расставание с ним было похоже на предательство. Наконец — кредитная карта, та самая, которую она клялась использовать только на случай апокалипсиса. Апокалипсис наступил в тихой, будничной форме. Она вывела последний лимит, слушая в телефоне голос робота, поздравляющий с «успешной операцией», и чувствуя, как холодная пластиковая полоска кэшбека жжёт пальцы.

И сквозь весь этот хаос, как ровный, немерцающий луч маяка, светила переписка с Кариной. Её сообщения приходили не слишком часто, ровно с той периодичностью, чтобы напомнить о себе, но не вызвать ощущение назойливости. «Как вы, Лера? Всё движется?» — писала она утром. «Держу для вас место, отбиваюсь от других кандидатов», — сообщала вечером. Каждый раз Лера, читая это, ощущала не давление, а избранность. Её не грабили — ей оказывали доверие. Её не заманивали в ловушку — её бережно вели сквозь бюрократические дебри. Чувство собственной значимости, тщательно возвращённое Кариной, было лучшим анестетиком для приглушения боли от расставаний и унижительных просьб.

Лексикон их общения постепенно обогащался новыми, солидными терминами. Появился «координатор на месте» — Ева. Упомянули «куратора по адаптации». Закрепилось слово «трансфер». Лера не представляла их лиц, не знала, как они выглядят и где находятся прямо сейчас. Но в этом был свой странный, извращённый смысл: у большого, отлаженного механизма много шестерёнок. Ты не должен видеть их все, ты просто должен доверять слаженному ходу. Когда же у Леры, уже почти собравшей сумму, дрогнули нервы, и она робко спросила в чате: «А можно заранее адрес общежития или отеля прислать? Хотя бы город и улицу? Хочется немного ознакомиться», — ответ Карины был образцом спокойной, разумной строгости.

«Лера, я прекрасно вас понимаю, но, к сожалению, это противоречит правилам безопасности наших европейских партнёров. Адрес проживания и точные координаты всегда сообщаются только по прибытии, непосредственно куратору на месте. У нас, к большому сожалению, были прецеденты, когда девушки, ещё находясь в пути, публиковали в соцсетях геометки или адреса. Это привлекало внимание недобросовестных лиц. В итоге — кражи, конфликты. Мы просто не можем рисковать вашим благополучием и репутацией принимающей стороны». Объяснение было выверенным, как удар скальпелем. Оно апеллировало не к абстрактным угрозам, а к бытовому, понятному страху перед кражами. И что важнее всего — оно звучало по-отцовски заботливо. Их не скрывали от неё — её берегли от мира.

Последнее испытание случилось за день до вылета. Сообщение от Карины было, как всегда, лаконичным и деловым: «Лера, для завершения оформления и для бухгалтерии, которая будет делать вам возврат депозита, нужна одна формальность. Скиньте, пожалуйста, фото лицевой стороны вашей банковской карты (с номером и именем). Это необходимо для привязки платёжного инструмента к вашему личному делу».

Что-то внутри Леры, какой-то древний, спавший до поры инстинкт, вдруг взвыл сиреной. Сердце ёкнуло и упало куда-то в пятки. Руки похолодели. Это была уже не бюрократия, это пахло ловушкой. Впервые за всё время общения её ответ прозвучал резко, почти грубо, отливаясь в телефоне кричащими заглавными буквами без смайлов: «НЕТ. ФОТО КАРТЫ НИКОМУ НЕ ПЕРЕДАЮ. ЭТО ПОДОЗРИТЕЛЬНО».

Она ждала гнева, оправданий, давления. Но получила нечто иное. Почти мгновенно пришёл ответ. «Лера, СПАСИБО. Вы абсолютно правы. Так и нужно относиться к любой просьбе передать реквизиты. Я вас ХВАЛЮ. Вы умница, что проявили бдительность. В нашей компании это только приветствуется». Текст дышал таким искренним, почти радостным одобрением, что Лера физически ощутила, как волна жгучего стыда за свою резкость сменилась тёплым, расслабляющим потоком облегчения. Она не сорвалась. Она прошла. Она доказала, что не наивная дуручка, а разумный, осторожный человек. Карина тут же, не дав опомниться, предложила «альтернативный, ещё более простой вариант»: «Тогда всё решим на месте, в личном присутствии. Возврат депозита вам оформят наличными, в евро, сразу после подписания основных документов. Это даже удобнее, не нужно ждать банковских переводов».

Облегчение было сладким и всепоглощающим. Оно окончательно похоронило последние сомнения. Её не обманывали — с ней общались как со взрослой, равной, прошли проверку на вшивость и выдержали её.

Ночь перед вылетом была не сном, а долгим, методичным ритуалом самоубеждения. Она раскладывала вещи в чемодан не просто аккуратно, а с почти религиозной тщательностью, сглаживая каждую складочку, сворачивая носки в тугие рулоны, располагая предметы слоями: нижнее бельё, футболки, джинсы, тёплый свитер. Порядок в этой прямоугольной сумке из полиэстера был последним бастионом, последней иллюзией контроля над жизнью, которая уже выскальзывала из рук. Она взяла минимум, руководствуясь рациональными соображениями из списка «что взять за границу», но в боковой карман, на самое дно, положила маленькую, потёртую бумажную иконку Казанской Божьей Матери — не потому что верила, а потому что эту иконку когда-то, в детстве, вложила ей в ладонь бабушка. Это была не вера, а память. Частица «дома», который она покидала.

Перед самым выходом, когда такси уже ждало внизу, Лера замерла перед зеркалом в прихожей. В тусклом свете коридорной лампы её отражение казалось чужим: слишком большие глаза на бледном лице, поджатые губы, напряжённая линия плеч. Она вдохнула поглубже, выпрямилась и, глядя прямо в эти чужие глаза, тихо, но чётко проговорила вслух, как мантру, как заклинание, которое должно было скрепить хрупкий каркас её решимости:

— Я взрослая. Я всё контролирую. Я всё контролирую. Я всё контролирую.

Повторила три раза. Потом выключила свет, взяла чемодан и вышла из квартиры, не оглядываясь, щёлкая замком с той же окончательностью, с какой, как ей казалось, закрывает прошлую главу своей жизни.

ГЛАВА 3. ТРАНСФЕР

Время после того, как аэропорт растворился в чёрной воде ночи, перестало быть линейным. Может быть, прошло двадцать минут. Может, целый час. В салоне минивэна, пропитанном запахом резины, старого винила и чужих тел, минуты растягивались в тягучую, липкую бесконечность. За окном мелькал гипнотизирующий, однообразный кадр: жёлтый размытый круг фонаря, полоска мокрого, отливающего масляной радугой асфальта, тёмный силуэт какого-то куста или столба, снова фонарь. Редкие вывески промелькали незнакомыми, рублеными буквами и исчезли, не оставив в памяти ни названия, ни смысла. Мир сузился до размеров этого движущегося ящика, до спинки переднего сиденья, до профиля Евы, который был неподвижен, как изваяние.

Тишина внутри давила на барабанные перепонки, становясь всё более звонкой. Чтобы заглушить этот внутренний гул, чтобы убедиться, что она всё ещё может издавать звуки, Лера заговорила. Голос её прозвучал хрипловато, неуверенно, будто она давно не пользовалась им.

— А... у вас много девочек сейчас работает? — спросила она, стараясь вложить в вопрос лёгкое, деловое любопытство. Не панику, а просто интерес новой коллеги. — Я имею в виду, приезжающих?

Ева повернула голову. В полумраке её лицо было похоже на маску из плохо освещённого мрамора. Пауза перед ответом затянулась настолько, что Лера уже начала думать, не расслышали ли её.

— Разные приезжают, — наконец произнесла Ева. Голос её был ровным, лишённым интонации, как голос навигатора. — Кто-то на сезон, кто-то подольше. Ты не первая и не последняя. Главное — слушай, что тебе говорят. И делать, что говорят. Всё остальное — лишнее.

Фраза «лишнее» повисла в воздухе твёрдым, холодным шариком. В ней не было открытой угрозы, но была безжалостная, железная определённость. Здесь есть порядок. Ты — часть этого порядка. Твоё мнение, твои вопросы, твои «а почему» — это лишнее. Лера почувствовала, как по спине пробежал холодный, точечный, как иголки, озноб. Она инстинктивно потянулась рукой к карману куртки, к тому самому карману, где всегда лежал телефон — её якорь, её связь с миром, её карта и компас. Пальцы нащупали только шов ткани.

Пустота.

Она замерла, рука так и осталась висеть у кармана, в неуклюжей, застывшей позе. Этот жест — жест потерянного человека, ищущего свою пропажу, — был слишком красноречив.

Ева заметила. Она заметала всё. Её взгляд скользнул по замершей руке, и она сказала, не меняя тона, будто констатировала погоду:

— Не ищи. Я же сказала — на месте отдадим. Он тебе сейчас всё равно без пользы. Сети нет, карты не работают. Ты только нервы себе потратишь.

Это прозвучало не как объяснение, а как приговор. Лера медленно опустила руку, сжала ладонь в кулак, чувствуя, как ногти впиваются в кожу. Она смотрела в окно, но теперь видела не дорогу, а своё бледное, искажённое тенью тревоги отражение в тёмном стекле.

Машина, наконец, свернула, замедлила ход и остановилась. Мотор заглох, и внезапно наступившая тишина оглушила. За окном было невзрачное, двухэтажное здание из серого силикатного кирпича. Ни вывески, ни номера, ни света в окнах первого этажа. Просто прямоугольная коробка с единственной металлической дверью, выкрашенной в тёмно-зелёный цвет. Над дверью, под небольшим козырьком, тускло светился красный огонёк глазка камеры наблюдения. Это место не было «офисом». Оно могло быть чем угодно: заброшенным складом, полулегальной мастерской, пунктом приёма вторсырья. Оно категорически отказывалось быть тем, что обещали.

— Вышли, — скомандовала Ева, уже открывая свою дверь. Холодный ночной воздух ворвался внутрь, заставляя Леру вздрогнуть.

Она выбралась из машины, её ноги одеревенели от долгого сидения. Чемодан водитель вытащил из багажника и поставил рядом на асфальт без единого слова. Дверь минивэна захлопнулась, и он тут же тронулся с места, исчезнув в темноте, как будто его и не было. Лера осталась стоять одна с Евой перед этой немой, серой громадой.

Ева подошла к двери, набрала код на не приметной панельке. Раздался щелчок, и она, надавив плечом, толкнула дверь внутрь.

— Заходи. Не задерживайся на улице.

Внутри пахло резко и химически: дешёвое моющее средство с ароматом лимона, пыль, сырость и ещё что-то — сладковатый, неприятный запах старого пластика. Было тепло, душно. Коридор был узким, освещённым одной люминесцентной лампой, мерцавшей с раздражающим гудением. В конце коридора виднелась дверь, из-под которой струилась узкая полоска света.

Ева прошла прямо к ней и вошла без стука. Лера, волоча чемодан, последовала за ней.

Комната была маленькой, почти квадратной. Один стол, два стула, шкаф-купе с глухими дверцами. Ни картин, ни растений, ни даже календаря на стене. За столом сидела женщина лет пятидесяти, в больших очках в пластиковой оправе. Она что-то писала в толстой папке, и звук её пера, скребущего по бумаге, был единственным звуком в комнате. Она не подняла головы, когда они вошли, не выразила никакого интереса. Она просто продолжала писать, будто их появление было запланированной, рутинной частью её рабочего дня, не более значимой, чем подписание накладной.

Ева молча подошла к столу и положила перед женщиной паспорт Леры. Не протянула, не вручила. Положила. Как кладут пропуск на сканер, как кладут товар на ленту. Безликий предмет, необходимый для процедуры.

Женщина наконец оторвалась от бумаг. Она взглянула на разворот паспорта, потом подняла глаза на Леру. Её взгляд был таким же безличным, как взгляд кассира в супермаркете.

— Фамилия? — спросила она. Голос был сухим, без тембра.

— Соколова, — прошептала Лера. — Елена.

— Елена Соколова, — повторила женщина, сверяясь с чем-то в своей папке. — Паспорт есть?

Этот вопрос, заданный в тот момент, когда её паспорт лежал прямо перед вопрошающей, показался Лере абсурдным. Но она лишь кивнула, не в силах вымолвить слово.

Женщина открыла папку, вытащила стопку бумаг, скреплённых степлером, и развернула её к Лере.

— Здесь ознакомиться. Здесь, здесь и здесь — подпись и дата. Галочки напротив пунктов 3, 7 и 14. Быстро, у нас нет целый день.

Лера наклонилась над бумагами. Шрифт был мелким, плотным. Язык — сухим, канцелярским, полным сложных оборотов. Глаза разбегались. Она успевала выхватывать только отдельные, всплывающие из текста, как острые скалы из тумана, слова: «...обязательства Стороны Б...», «...штрафные санкции в случае неисполнения...», «...полностью подчиняется внутреннему распорядку объекта...», «...несанкционированное использование средств связи...», «...материальная ответственность за утерю...».

Она попыталась прочитать первый абзац целиком, но мозг отказывался складывать слова в смыслы. От напряжения в висках застучало.

— Я... можно я прочту?

Женщина в очках тяжело вздохнула, как бы терпеливо. Ева, стоявшая у стены, сказала ровно:

— Это формальность, Лера. Все подписывают. Иначе на объект не попадёшь. Это просто допуск. Все детали тебе объяснят уже там, на месте.

Лера посмотрела на подставленную ей ручку. Шариковая, синяя, самая дешёвая. Она взяла её. Пальцы не слушались, подпись вышла корявой, непохожей на её обычную. Она поставила галочки там, где показала женщина, чувствуя себя не человеком, подписывающим контракт, а школьницей, которую заставляют переписать контрольную. Женщина тут же забрала подписанные листы, пролистала их, убедившись, что всё на месте, и закрыла папку с таким видом, будто только что поставила печать на конвейере.

Лера стояла, ожидая... чего? Объяснений? Копии? Хотя бы одного доброго слова?

Но женщина уже снова уткнулась в свои бумаги, а Ева взяла её за локоть, лёгким, но не допускающим сопротивления движением направляя к выходу.

— Всё, — сказала Ева. — Поехали на место. Теперь ты официально трудоустроена.

И Лера, снова плывя по коридору за серым пальто, снова чувствуя под ногами неустойчивость, хотела спросить: «А что за объект? А где он? А что я буду делать?» Но слова, тяжёлые, как камни, застряли у неё в горле. Она почувствовала себя не взрослой женщиной, приехавшей на работу, а первоклассницей, потерявшейся в огромной, чужой школе, где все знают правила, кроме неё, и поднимать руку с вопросом сейчас значило лишь показать всем свою глупость, свою ненужность, свою «лишность».

ГЛАВА 4. ВНУТРЕННИЕ ПРАВИЛА

Коридор, по которому их теперь вела Ева, был длинным, с потрескавшейся краской на стенах цвета увядшей гвоздики. Пол скрипел под ногами, издавая звуки, похожие на тихие стоны. Они миновали несколько таких же глухих, закрытых дверей, за которыми не было слышно ни голосов, ни шагов — только гулкая, давящая тишина, изредка нарушаемая гудением где-то в стенах спрятанной вентиляции. Этот звук напоминал дыхание спящего чудовища.

Ева остановилась у одной из дверей, ничем не отличающейся от других, кроме маленькой, стёртой таблички с цифрой «7». Она достала из кармана связку ключей — плоских, старомодных, без брелоков — и открыла дверь. Не предложила войти первой. Просто распахнула и сделала короткий жест подбородком: Входи.

Комната была крошечной, почти клеточной. В ней едва хватало места для двух узких, походных раскладушек, покрытых серыми казёнными одеялами, и старого шкафа, у которого отсутствовала одна дверца, открывая взгляду пустые полки и голую фанерную заднюю стенку. Воздух был спёртым, пропитанным запахом пыли, сырости и чего-то ещё — сладковатого, химического, отдающего дешёвым кондиционером для белья. Под единственным зашторенным окном стоял пластиковый стол, а на подоконнике, как памятник чужому, мимолётному пребыванию, стояла кружка. Белая, эмалированная, с отбитой до металлического блеска ручкой и тёмным налётом чая на дне.

На второй кровати сидела девушка. Она казалась очень юной, лет девятнадцати, не больше. На ней была просторная, вылинявшая футболка с полустёршимся рисунком какого-то мультфильма и спортивные штаны. Волосы её были мокрыми, тёмными прядями прилипали к щекам и шее, будто она только что вышла из душа. Но лицо было абсолютно бесстрастным, восковым. Услышав шаги, она медленно подняла глаза. Её взгляд встретился со взглядом Леры — и в нём не было ни любопытства, ни солидарности, ни страха. Была лишь пустота, за которой угадывалось глухое, выученное безразличие. И затем, будто испугавшись даже этого мимолётного контакта, она тут же отвела глаза в угол, уставившись в трещину на стене. Этот жест говорил громче любых слов: здесь не смотрят в глаза. Здесь это небезопасно.

— Это твоё место, — сказала Ева, кивнув на свободную кровать. Простыни на ней были смяты, будто кто-то на них недавно сидел. — Временно. Пока идёт окончательное оформление твоих документов и распределение на объект.

Лера молча поставила чемодан у ног, не в силах отвести взгляд от соседки. Та девушка была живым воплощением чего-то неправильного, сломанного. И это «что-то» теперь висело и в воздухе этой комнаты.

Ева подошла к столу и положила на него телефон Леры. Он лег на линолеум с тихим, безжизненным стуком. Она не протянула его хозяйке, не вручила. Просто положила, как кладут инструмент, которым пока пользоваться не будут.

— Сейчас важный организационный момент, — начала Ева, и её голос вновь приобрёл тот наставительный, учительский тон. — Мы активируем для тебя местную сим-карту. Внесу в память все необходимые контакты: мой, координатора на объекте, экстренной службы. Чтобы ты не терялась и не переплачивала за бешеный роуминг. У нас тут всё для людей.

Лера, услышав про телефон, инстинктивно шагнула вперёд, протянув руку. В этом жесте была вся её тоска по связи, по островку безопасности. Но Ева легким движением ладони прикрыла лежащий аппарат, мягко, но недвусмысленно отодвинув его дальше по столу, ближе к себе.

— Нет-нет, не торопись. Не обижайся, — сказала она, и в её голосе прозвучала та же слащавая, фальшивая забота, что была у Карины. — У нас тут правило, золотое правило для

новеньких. Первые сутки — связь только через координатора. То есть через меня. Это в твоих же интересах. Чтобы ты не накрутила себя, не набрала родным всякого с перепугу, не попала на удочку мошенников. Здесь, к сожалению, было много случаев... всякого. Девушки паниковали, их обманывали, страдали и они, и репутация проекта. Поэтому — дисциплина. Сначала дисциплина, потом свобода.

Лера застыла с протянутой рукой. Эти слова, произнесённые таким разумным, почти материнским тоном, били прямо в её последний оплот — в рациональность. Она попыталась схватиться за неё, как утопающий за соломинку. Первые сутки. Адаптационный период. У них, наверное, протокол такой. В больницах тоже сначала ограничивают. Это для моего же блага.

Но пока её мозг судорожно строил эти шаткие мостки объяснений, её тело уже всё поняло. Оно отреагировало раньше. В груди возникла пустота — ледяная, бездонная, как космос. Под ложечкой засосало холодной тошнотой. Ладони стали влажными, а в ушах зазвенел тонкий, высокий звон. Разум ещё бормотал утешительные сказки, но каждая клетка уже кричала об опасности.

И тогда, нарушая гнетущую тишину, раздался голос. Тихий, плоский, без интонации. Он принадлежал девушке на соседней кровати. Она не поднимала головы, смотря на свои босые ноги, и говорила так, словно обращалась к стене:

— Не спорь. Не пытайся. Только хуже будет.

Эта фраза не была сочувствием. Не была предупреждением. Это было констатацией факта. Сухим, безэмоциональным отчётом о пройденном опыте, выстраданном и усвоенном до автоматизма. В этих нескольких словах заключалась целая вселенная боли, страха и сломленной воли.

Ева ничего не ответила на это. Она лишь бросила на говорящую короткий, оценивающий взгляд, в котором промелькнуло что-то вроде удовлетворения. Хорошая девочка. Усвоила правила. Затем она развернулась и направилась к двери.

— Отдохни, приведи себя в порядок. Утром зайду, — сказала она Лере уже на пороге.

Дверь закрылась. Раздался щелчок. Не громкий, не зловещий скрежет, а именно приличный, негромкий щелчок защёлкивающегося замка. Звук был настолько обыденным, что от этого становилось ещё страшнее. Это была не тюрьма с решётками, а просто комната с закрывающейся на ключ дверью. «Для вашей же безопасности».

Лера стояла посреди комнаты, не в силах пошевелиться. Потом, медленно, как во сне, она подошла к двери. Рука сама потянулась к ручке — холодной, железной. Она нажала вниз. Ручка не поддавалась. Не дрогнула. Она была мертва. Лера нажала сильнее, потянула на себя. Ничего. Только глухой стук механизма о корпус.

— Тут... дверь закрыта? — выдавила она, всё ещё не глядя на соседку. Голос её прозвучал чужо, тонко, как у потерявшегося ребёнка.

— Да, — последовал тот же плоский, безжизненный ответ. — На ночь всегда закрывают. Говорят, для безопасности. Чтобы никто чужой не зашёл.

Ирония этих слов висела в воздухе густым, удушливым смогом. Чтобы никто чужой не зашёл. Но главное — чтобы свой не вышел.

Лера, наконец, оторвалась от двери и опустилась на край своей кровати. Пружины жалобно закричали под её весом. Она устала на телефон, лежащий на столе в двух метрах от неё. Он был так близко и так бесконечно далеко. И в этот миг, впервые за весь этот долгий, кошмарный день, её мысли вырвались за пределы работы, денег, долга, карьеры. Они устремились туда, где было тепло и безопасно. К сестре.

Она с жуткой, болезненной чёткостью представила себе Майю. Представила, как та сейчас, наверное, в своей московской квартире, в тревоге берёт в руки телефон. Как она снова и снова нажимает на то самое голосовое сообщение. Как прикладывает аппарат к уху, вслушиваясь в каждый шорох, в каждую интонацию. Как её собственное дыхание замирает, когда

вместо привычного, живого голоса сестры она слышит лишь тот короткий, сухой скрип — звук пальца по микрофону, звук обрыва, звук пустоты. А потом — тишину. Всепоглощающую, звенящую тишину.

Лера сжала руки в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони, оставляя красные, болезненные полумесяцы. Она сидела на краю чужой кровати, в запертой комнате, в незнакомой стране, и единственное, что у неё сейчас было по-настоящему своё, — это эта картина. Картина сестры, которая слушает тишину. И эта тишина кричала громче любого звука.

ГЛАВА 5. СУТКИ ТИШИНЫ

В Москве Майя проснулась от собственного внутреннего толчка — резкого, как удар под сердце — ещё за полчаса до будильника. Так просыпаются те, чьё тело давно живёт в состоянии перманентной тревоги, натянутое, как струна, готовое сорвать сон при малейшем внутреннем движении. Темнота за окном была густой, непроглядной, предрассветной. Первым делом, ещё не отдышавшись, она потянулась к телефону, лежавшему на тумбочке. Холодный экран ослепил её в темноте. Она открыла чат с Лерой, и сердце её на секунду ёкнуло смутной надеждой: там висело голосовое. Короткое, длиной в двадцать три секунды.

«Меня встретили».

Майя нажала на него, прижала телефон к уху так крепко, что почувствовала боль в ушной раковине. Слова были обычными, даже обнадеживающими. Но она слушала не слова. Она слушала то, что было между ними. Тишину. Ту самую, звенящую, плотную паузу перед фразой «В общежитие, наверное». Она слушала голос: он был чуть выше обычного, чуть тоньше, с той самой лёгкой дрожью в конце слов, которую Лера всегда пыталась скрыть, когда врала или боялась. Она слушала фоновый шум — не гул аэропорта, а какой-то другой, приглушённый, металлический гул, возможно, из салона машины. И ещё один звук — короткий, сухой скрип в самом конце, будто микрофоном провели по ткани. Или его резко закрыли ладонью.

Она прослушала сообщение второй раз. Потом третий. Каждый раз её пальцы сжимали корпус телефона всё сильнее, а в груди нарастал холодный, тяжёлый ком. Она знала голос сестры как свой собственный. И этот голос, каким бы спокойным он ни старался казаться, звучал отчуждённо, как будто Лера говорила не с ней, а в пустоту, под чью-то диктовку, сквозь слой страха. «Май... я долетела». Этот обрывок имени, «Май» вместо привычного «Мая» — будто она запнулась, будто её перебили. «Люблю». Это слово прозвучало как прощание, а не как обещание писать позже.

К обеду её тревога переросла в панику, холодную, методичную и всепоглощающую. Она начала звонить. Сначала — на тот самый «горячий» номер, с которого писала «Карина HR». Абонент недоступен. Глухие гудки, переводящие в никуда. Она пробовала снова и снова, пока палец не онемел. Потом — на общий номер «агентства», найденный в том самом объявлении. Автоответчик на чужом языке с акцентом, предлагающий оставить сообщение. Она кричала в трубку по-русски, по-английски, её голос срывался, но в ответ была лишь тишина, а затем короткие гудки. Она набрала телефон той самой комнаты в бизнес-центре. Девушка, которая подняла трубку, сказала устало: «Тут сейчас стоматология. Никакого агентства не знаем».

Майя схватила ключи и выскочила из квартиры. Она ехала в тот бизнес-центр на другом конце города, нарушая все правила, не видя света светофоров, её ладони скользили по рулю от пота. Она ворвалась в знакомый коридор, поднялась на третий этаж. Дверь под номером 307 была закрыта. Но это была уже не та дверь. На ней красовалась свежая, аккуратная табличка с логотипом компании, занимающейся установкой пластиковых окон. Майя стояла и смотрела на неё, не в силах пошевелить. Потом постучала в соседний офис. Молодой человек в очках, выглянув, пожал плечами:

— Эти? Да они вчера съехали. Вечером всё вынесли. Приехал фургон, быстро всё погрузили. Я думал, вы их, новых, ждёте? Окна ставить.

Съехали. Вчера вечером. Как только Лера оказалась в самолёте. Майя опустилась на холодный пол в коридоре, прислонившись спиной к стене, и не могла вздохнуть. Всё было спланировано. Всё было конвейером. Лера была не сотрудником, а грузом, который нужно было принять и отправить дальше, а контору-отправитель — ликвидировать.

В полиции её ждал новый круг ада. Дежурный офицер, мужчина лет пятидесяти с усталым, абсолютно бесстрастным лицом, слушал её, уставившись в монитор. Он задавал вопросы, написанные, казалось, в каком-то универсальном сценарии для всех потерявшихся.

— Взрослая девушка, вы говорите? Двадцать четыре года? Может, решила погулять. Отдохнуть от семьи. Бывает.

— Она не такая! Она мне сообщение прислала, там что-то не то! — Майя пыталась показать ему телефон.

— Голосовое сообщение, — он протянул слово, как будто это была детская шалость. — Может, связь плохая была. Может, сестра ваша просто не хочет сейчас на связь выходить. Уверены, что не поссорились?

Каждое его слово было иглой, впускающей воздух в её панику, сдувающей её до состояния «истеричной родственницы». Майя чувствовала, как внутри всё закипает, как крик подступает к горлу острым, солёным комом. Но она сжала кулаки так, что ногти впились в кожу, и заставила себя говорить тихо, чётко, подавляя дрожь в голосе. Она знала: стоит ей закричать, заплакать, и она мгновенно превратится в «психичку», а её слова — в бред. Она видела, как его взгляд теряет и без того мизерный интерес, когда она не может назвать точный адрес «работы» за границей, когда говорит про «депозит» и исчезнувшее агентство. Для него это была ещё одна история о наивной дуре, клюнувшей на красивую рекламу, и её надоедливой родне.

— Заявление примете. Но имейте в виду, взрослого человека без признаков насильственного исчезновения на территории другого государства... Поиски могут затянуться. Рекомендую связаться с её друзьями, может, с кем уехала, — он протянул ей бланк, даже не глядя в глаза.

Вечером, в пустой, оглушающе тихой квартире, Майя села за компьютер. Отчаяние сменилось ледяной, хищной решимостью. Если система не видит Леру, значит, нужно смотреть туда, куда система не хочет смотреть. Она открыла новости, статьи, форумы. Она глотала всё подряд: сводки, аналитику, криминальные хроники, истории мигрантов. Её глаза, воспалённые от бессонницы и слёз, бегали по строчкам, выискивая хоть какую-то зацепку, хоть отдалённое сходство.

И тогда она наткнулась на статью. Не кричащую сенсацию, а сухой, аналитический отчёт одной правозащитной организации. В нём говорилось о современных формах рабства. Цифры, холодные и чудовищные, выпрыгнули с экрана и впились ей в сознание. Около 50 миллионов человек по всему миру. В 2021 году. Оценки ООН, Международной организации труда, Walk Free Foundation. Это не было древней историей. Это происходило сейчас. И дальше — разбивка. Значительная часть — принудительный труд в частном секторе: на стройках, в сельском хозяйстве, на фабриках, в сфере услуг. Отдельный, огромный пласт — коммерческая сексуальная эксплуатация. И там, в этой категории, цифра, от которой кровь стыла в жилах: большинство жертв — женщины и девочки.

Майя перечитала абзац дважды. Потом ещё раз. Мир вокруг поплыл, звуки улицы за окном стихли. Эти сухие строчки, эти бесстрастные проценты и цифры вдруг сложились в одну простую, чудовищно ясную картину. Её Лера, её сестра с высшим образованием, мечтавшая о карьере, взявшая кредит на обучение, аккуратная, умная, осторожная Лера — не была исключением. Не была неудачницей, попавшей в редкую, диковинную ловушку. Она была... статистикой. Одной строчкой в этих миллионах. Одной единицей в отлаженной, чудовищной машине, которая перемалывала жизни в деньги. Исчезновение агентства, замок на двери, отобранный телефон, голосовое со скрипом — всё это были не сбои, не случайности. Это были винтики. Винтики системы.

Майя откинулась на спинку стула, и её накрыла не паника, а странная, леденящая пустота. Теперь она знала врага в лицо. Но этот враг был не человеком, не бандой, а гидраой, тенью, безличным механизмом, против которого её крик, её заявление в полиции, её слёзы

были абсолютно бессильны. Лера не «потерялась». Её украли. И мир, с его отчетами и статистикой, давно знал, что такое воровство людей существует. Просто до этого момента это знание было для Майи просто словами на экране. Теперь это была пропасть, в которую провалилась её сестра.

ГЛАВА 6. КОМНАТА БЕЗ ЧАСОВ

Утро не пришло с рассветом, с полосой света из-под шторы. Оно пришло со звуком. Глухим, отдалённым, как удар в корпус корабля. Где-то в коридоре, за толщей стены и двери, хлопнула одна дверь. Потом, через неравный промежуток, вторая — резче, с металлическим отзвуком. И следом, ворвавшись в хрупкую тишину комнаты, пополз по стенам низкий, неразборчивый гул мужского голоса. Он не был ни криком, ни разговором. Это было бормотание, ворчание, передававшееся по самой структуре здания, как вибрация по трубе, — безличное, властное, чужеродное.

Лера открыла глаза. Первые две секунды были пустотой, слепым, животным поиском ориентиров. Потолок был низким, шершавым, с трещиной, расходящейся от угла, как молния на чёрном небе. Воздух был сухим, пыльным, с привкусом старой штукатурки и чего-то химического — может, моющего средства, а может, лекарства. Она медленно повернула голову. На подоконнике, в косом утреннем свете, проступала грязная, желтоватая полоска — след от оторванной наклейки, оставшийся словно шрам. Мир не собрался обратно. Он так и остался чужим.

Девочка с соседней кровати — Аня — уже не спала. Она сидела, скорчившись, подтянув колени к подбородку, и бесцельно наматывала на пальцы тонкую чёрную резинку для волос. Движения её были монотонными, гипнотическими, как будто это простое действие удерживало её от чего-то большего. Её глаза, пустые и без фокуса, смотрели в стену напротив.

Тишина в комнате была иной, не ночной. Она была напряжённой, выжидающей, полной неозвученных вопросов. Лера сглотнула ком в горле. Её собственный голос прозвучал хрипло, непривычно громко в этой немоте.

— Как тебя зовут? — спросила она, почти шёпотом, будто боялась разбудить что-то ещё.

Девочка медленно перевела на неё взгляд. Не испуганный, не враждебный — просто отстранённый, будто Лера была частью обстановки, вроде той же трещины на потолке.

— Аня, — сказала она. И произнесла это так, будто имя было просто биркой, случайным набором звуков, не имеющим отношения к той, кто была раньше.

— Давно ты... тут? — Лера не знала, как точнее сформулировать. «Тут» — это было не место, а состояние.

Аня снова отвела глаза к стене, её пальцы замерли на резинке. Она словно считала что-то про себя.

— Два дня. Может, три. — Она сделала паузу, и губы её дрогнули в подобии чего-то, что могло бы быть улыбкой, если бы не было таким печальным. — Тут время... оно не такое. Оно тянется. Или пролетает. Не поймёшь. Часов нет. Окно не открывается. Как будто всё в... аквариуме.

Лера провела ладонью по простыне. Ткань была чистой, даже пахло хлоркой, но на ощупь — холодной, жёсткой, безличной. Больничной. Она откинула одеяло, и холодный воздух комнаты обдал её кожу мурашками. Она подошла к окну, задев ногой свой чемодан, всё ещё стоявший нераспакованным у кровати, как памятник её прежней жизни.

Окно было грязным, с тонкой паутиной трещин в углу стекла. Она потянула за ручку, чтобы приоткрыть створку и вдохнуть настоящего воздуха. Но ручка не поддавалась. Она просто болталась в пальцах, мертвая. Лера присмотрелась. Сама ручка была на месте, но механизм, видимо, заблокирован или сломан. А вокруг, на раме, остались свежие, светлые следы от шурупов — будто крепления недавно выкрутили намеренно, чтобы лишить её даже этой возможности. Она прижалась лбом к холодному стеклу, пытаясь разглядеть мир снаружи.

Внизу была узкая, асфальтированная парковка, огороженная высоким забором с колючей проволокой поверху. Машин было мало. Одна — тот самый тёмный минивэн, теперь при

дневном свете выглядевший потрёпанным и грязным. Рядом — невзрачная легковушка серого цвета. В ней кто-то сидел. Лера различила слабый огонёк сигареты, который то разгорался яркой точкой, когда человек затягивался, то тускнел до тлеющего уголька. Он не выходил курить. Он просто сидел и ждал. Дежурный. Страж.

Дверь в комнату открылась резко, без стука. Ева вошла так, будто у неё был точно отмеренный маршрут и график, который нельзя нарушить ни на секунду. В её руках был тонкий пластиковый пакет из супермаркета. Она положила его на стол с лёгким шуршанием.

— Завтрак, — объявила она, не глядя ни на одну из них. — У вас полчаса. Потом — собеседование с руководителем объекта. Приведите себя в порядок.

Лера подошла к столу и заглянула в пакет. Внутри лежали две сдобные булочки в целлофане, уже слегка помятые, два маленьких пластиковых стаканчика с йогуртом самого дешёвого вида и две бутылки воды без газа. Это был не завтрак. Это был рацион. Расчётливая, минимальная подачка для поддержания сил. Так кормят не гостей, не сотрудников на испытательном сроке. Так кормят тех, кто находится на содержании. На попечении. В неволе. Холодная ясность этого понимания ударила её сильнее, чем любой крик.

Она подняла голову и посмотрела прямо на Еву. Голос её, к собственному удивлению, звучал ровно, почти спокойно, хотя внутри всё сжалось в ледяной ком.

— Где мой паспорт? — спросила Лера, тщательно выговаривая каждое слово.

Ева даже бровью не повела. Её лицо оставалось невозмутимым маской, будто этот вопрос она слышала тысячу раз.

— В сейфе. В администрации. Как и у всех здесь, — ответила она, делая ударение на слове «всех», чтобы подчеркнуть нормальность процедуры. — Не нервничай попусту. Ты же не в тюрьме. У нас всё по правилам.

— Тогда отдайте его мне, — настаивала Лера, чувствуя, как по спине ползёт холодный пот. — Он мой. Он мне нужен.

Ева наконец выразила что-то на лице. Она чуть приподняла брови, и в её взгляде мелькнуло снисходительное, почти жалостливое удивление, будто Лера произнесла что-то детски наивное, вроде «хочу на луну».

— Паспорт — это большая ответственность, Лера. Твои документы ещё в процессе окончательного оформления. Мы не можем просто так отдать тебе оригиналы. Мы тебя здесь не бросим, не переживай. Мы отвечаем за тебя. — Она сделала паузу, давая словам просочиться в сознание. — А вот ты, одна, без нас, без документов, в чужой стране... Можешь очень легко потеряться. Надолго. Нам же тебя потом искать. Так что это для твоей же пользы.

Лера открыла рот, чтобы возразить, чтобы крикнуть, что это её право, её личность в этой синей книжечке. Но в этот момент она боковым зрением увидела, как Аня, сидящая на кровати, резко, почти судорожно, втянула воздух. Это был не вздох, а короткий, предостерегающий выдох — звук, полный такого немного ужаса и опыта, что слова застряли у Леры в горле, превратившись в тот самый беззвучный, давящий ком. Она сглотнула его, чувствуя, как он обжигает пищевод. Молча, опустив глаза, она взяла из пакета булку. Она была безвкусной, как вата.

— И телефон? — спросила она уже тише, почти покорно, откусывая кусок. — Когда я получу свой телефон?

Ева наблюдала за ней, и в углах её рта дрогнуло что-то вроде удовлетворения.

— Телефон будет сразу после встречи с руководителем, — отрезала она. Тон был окончательным. — Если, конечно, будешь вести себя нормально и адекватно. Всё зависит от тебя.

Слово «нормально» прозвучало не как обычное слово, а как условие негласного контракта. Как единственная доступная валюта в этом новом мире. Нормальное поведение покупало поблажки. Ненормальное — влекло последствия, о которых можно было только догадываться.

Через полчаса Ева вернулась и жестом велела выходить. В коридоре, под тусклым светом лампы, уже стояли двое других. Одна — девушка постарше, лет двадцати восьми, с короткой, почти мальчишеской стрижкой и огромными, бездонно уставшими глазами. Они были красными, будто она давно не спала или плакала беззвучно. Вторая — совсем юная, хрупкая, в мешковатых спортивных штанах и большой куртке. Она не просто стояла — она вцепилась в собственный рукав так сильно, что костяшки пальцев побелели, будто эта куртка была её единственным якорем в реальности, который могли в любой момент отобрать.

Никто не разговаривал. Они лишь переглянулись с Лерой быстрыми, скользящими взглядами — не для знакомства, а для оценки. Оценки уровня страха, уровня сломленности. Воздух был густым от молчания, но это молчание было красноречивее любых слов. Это был язык выживания. Язык, в котором вопрос «как тебя зовут?» мог быть опасен, а взгляд, задержанный на секунду дольше, — вызовом.

Идя следом за Евой по коридору, Лера впервые осознала это с кристальной, ледящей душу ясностью. То, что с ней происходит, — это не череда случайных ошибок, не бюрократическая накладка, не «недоразумение», которое вот-вот разрешится. Это была система. Отлаженная, многослойная, как матрёшка. Только раскрывалась она не одним движением, не с весёлым щелчком, а медленно, буднично, неотвратимо. Каждый слой — комната с запертой дверью, завтрак в пакете, отобранный паспорт, молчаливые соседки по несчастью — был частью целого. И она уже оказалась так глубоко внутри, что свет из той щели, через которую она вошла, почти не достигал её. Матрёшка закрывалась.

ГЛАВА 7. МАРШРУТ

Их выводили по одному, с интервалами. Не как группу, не строем — такая точность могла бы привлечь ненужное, цепкое внимание посторонних глаз. «Вы по очереди, спокойно, не спеша, — инструктировала Ева, её голос был низким, деловитым. — Вы же не стадо. Вы просто люди, которые выходят на улицу». Но в этой расстановке пауз, в этом искусственном разведении по времени был холодный, отлаженный расчёт. Каждая из них должна была стать одиночкой, атомом, оторванным от других, чтобы не возникло даже тени коллективной силы, не родился немой сговор взглядов.

Когда настала очередь Леры, и она переступила порог, её ударил в лицо холодный, сырой воздух. Он пах мокрым асфальтом, выхлопными газами и далёким дымом. Она на секунду замерла, вдохнув полной грудью, и этот глоток показался ей почти опьяняющим. Свежесть, пространство, не ограниченное стенами, — мозг, измученный духотой комнаты, прочитал в этом сигнал: свобода. Но иллюзия прожила ровно столько, сколько потребовалось, чтобы сделать три шага. Свобода кончилась у чёрного, глянцевого борта минивэна, уже с открытой дверью. Это был не выход, а пересадка. Из одной клетки — в другую, мобильную.

В салоне, кроме знакомого водителя с каменным лицом, сидел ещё один мужчина. Он располагался на среднем ряду сидений, развернувшись боком, чтобы видеть и тех, кто сзади, и дорогу впереди. Он не был похож на охранника в классическом понимании — на нём была обычная городская куртка, джинсы. Но в его позе, в манере молча изучать каждую входящую девушку, был недвусмысленный надзор. Он не представился, не кивнул. Его взгляд — быстрый, сканирующий, лишённый любопытства, чисто оценочный — скользнул по Лере от туфель до лица, задержался на секунду на её глазах, будто считывая уровень страха или возможного сопротивления, и так же быстро вернулся к экрану планшета в его руках. Он был техником. Оператором. Частью механизма.

Ева уселась рядом с Лерой, закрыв дверь. Лёгкий щелчок центрального замка прозвучал как приговор.

— По документам поработаем позже, на месте, — сказала Ева, глядя в лобовое стекло. Она говорила так, будто продолжала вчерашнюю, прерванную беседу, будто между ними существовало понимание. — Сейчас едем. Лишнего не спрашивай, хорошо? Всё по плану.

Но в Лере, сквозь оцепенение, клубилось упрямство, последний всплеск воли.

— Куда? — спросила она чётко, не позволяя голосу дрогнуть. — Куда мы едем? У меня есть право знать.

Ева медленно повернула к ней голову. И впервые за всё время на её лице появилось что-то вроде улыбки. Но это не было выражением радости или дружелюбия. Это была сухая, кривая усмешка, которая лишь подчеркнула холод в её глазах.

— На объект. Я же говорила. Там тебе всё подробно объяснят. Руководитель всё расскажет. Терпение.

Слово «объект» снова прозвучало, отчеканилось в воздухе. Оно было безличным, казённым, лишённым человеческого измерения. Это не было «отель», «ресторан», «салон». Объект. Как строительный объект. Как военный объект. Место, где происходят процессы, где есть персонал и подконтрольные единицы. Место, где не живут, а функционируют.

Дорога тянулась, бесконечная и однообразная. Пейзаж за окнами менялся, но не становился дружелюбнее: промзоны с дымящими трубами, унылые поля, изредка — массивы типовых многоэтажек на горизонте. Они были где-то в глухой периферии, в тех местах, которые не попадают на открытки. Остановка была одна — на большой, безликой автозаправке где-то на трассе. Здесь их не выпускали поодиночке, будто боясь, что одна из них сделает шаг к телефону или к случайной машине. «Выходим по двое. Только в туалет и обратно. Быстро», —

скомандовал мужчина с планшетом. Леру и Аню проводили до дверей санузла и обратно, и всё это время тот самый мужчина стоял неподалёку, делая вид, что курит, но его взгляд не отпускал их ни на секунду.

И здесь Лера увидела метаморфозу. Ева, выходя из машины, будто снимала одну маску и надевала другую. Её осанка стала менее жёсткой, плечи опустились, в голосе, когда она покупала у кассира бутылку воды, появились обычные, бытовые интонации усталой женщины. Для окружающих она была просто попутчицей, может быть, старшей сестрой или знакомой. Это умение растворяться в фонре, выглядеть нормально, было, пожалуй, самым страшным её навыком. Система умела надевать личину обыденности.

Потом был пост. Не пограничный переход в классическом понимании, а нечто иное: шлагбаум, перекрывающий проселочную дорогу, будка, несколько человек в униформе, но без чётких опознавательных знаков. Это мог быть частный контрольный пункт какой-нибудь промышленной зоны, охрана закрытого посёлка — было непонятно. Но при его виде в салоне минивэна воцарилась мёртвая, давящая тишина. Даже водитель напрягся. Мужчина с планшетом наклонился вперёд, что-то тихо, односложно сказал водителю. Тот кивнул, замедлил ход.

Ева, не оборачиваясь, прошептала так тихо, что слова едва долетели до задних сидений:

— Не смотрите в окна. Всем. Смотрите в пол или перед собой. И не улыбайтесь, не делайте глупых лиц. Просто сидите. Как будто спите.

Лера почувствовала, как по её спине, словно струйки ледяной воды, поползли мурашки. Кто-то сейчас, за стеклом этой машины, решал её судьбу. Пропустят дальше, вглубь этой системы, или нет. А у неё не было ничего. Ни паспорта, который можно предъявить. Ни правдивой истории, которую можно рассказать. Даже её собственное имя в этот момент не принадлежало ей — оно было записано в каких-то чужих бумагах, в чужом сейфе, и могло звучать из чужих уст с любой нужной им интонацией. Она была грузом. Немой, бесправной вещью на колёсах.

Машина простояла у шлагбаума недолго. Раздался короткий обмен репликами, звук поднимающейся перекладины — и они снова покатали вперёд, набирая скорость, оставляя пост позади. Воздух в салоне выдохнул, но облегчения не принёс. Было лишь понимание, что ещё один барьер пройден, ещё один шанс быть замеченной исчез.

Когда трасса снова потянулась за окном однообразной лентой, Аня, сидевшая через узкий проход, пошевелилась. Она не повернула головы, её губы почти не двигались. Слова были едва слышным, продуваемым ветром шёпотом, предназначенным только для Леры:

— Если начнёшь сопротивляться сразу, открыто — тебе сделают хуже. Быстро и жёстко. Чтобы другим неповадно было. Делай вид, что согласна. Что всё принимаешь. Кивай. Молчи. Запоминай всё: лица, повороты, сколько окон, где двери. И ищи момент. Не сейчас. Он будет, но позже. И он будет только один.

Лера слушала этот шёпот, не глядя на соседку. Она смотрела на её руки, лежавшие на коленях. Руки были тонкими, почти детскими, но на них не было ни колечек, ни следов от них. Зато были другие следы: заусенцы, ободранные до крови ногти, ссадина на костяшке указательного пальца. Это были не следы тяжёлого физического труда. Это были следы постоянного, неослабевающего напряжения. Следы от того, что ты часами сжимаешь кулаки, впиваешься ногтями в ладони, трёшь кожу в беспокойстве. Это были отметины страха, ввевшегося в плоть. Страх не от того, что уже произошло, а от того, что может случиться в любой момент. От удара, который уже живёт в твоей голове, в твоих нервах, в каждом мускуле, готовом сжаться. И в этом тихом совете, и в этих руках была вся картина её нового мира. Мира, где выживание стало единственной целью, а надежда — тщательно скрываемым, смертельно опасным оружием.

ГЛАВА 8. ТАБЛИЦА ДОЛГОВ

«Объект», к которому их привезли, не был ни обещанным офисом с логотипами на стене, ни хоть сколько-нибудь человеческим общежитием. Это был частный дом на самой окраине какого-то посёлка или спального района — одинокий, отгороженный от мира высоким, глухим забором из профнастила, увенчанным аккуратно натянутой колючей проволокой. У ворот, под небольшим козырьком, чёрным глазом смотрела камера наблюдения. Такой забор строят не от бедности, а от желания скрыть происходящее внутри. Он говорил не «останьтесь снаружи», а «не пытайтесь увидеть».

Внутри, однако, царила обманчивая, почти нарочитая чистота и даже уют. Светлые стены, новый ламинат на полу, в гостиной — кожаный диван и телевизор с большим экраном, на кухне — аккуратный стол. Это могло бы успокоить, обмануть, создать иллюзию нормальности, если бы не один звук: тот самый, уже знакомый, негромкий, но окончательный щелчок замка в железной двери за её спиной, когда она переступила порог. Звук был тем же. Менялась только обстановка клетки.

— Куртку сними, оставь здесь, — сказала женщина лет сорока в чистом клетчатом фартуке. Её тон был не грубым, а бытовым, как у медсестры в процедурном кабинете. — Иди мой руки. Вон там.

Лера, на автомате, подчинилась. Её тело, отключив сознание, который металась в панике, уже выработало простейший алгоритм выживания: делай то, что говорят. Не думай. Не оценивай. Пока не поймёшь правил — просто выполняй. Она повесила куртку на предложенную вешалку, прошла в указанную дверь и под струёй холодной воды отдраивала руки, хотя они и так были чистыми. Ритуал очищения. Ритуал посвящения.

В гостиной, у окна, стоял не диванный, а офисный стол. На нём царил строгий, деловой беспорядок: стопки бумаг, калькулятор, несколько шариковых ручек, лежащих параллельно. И ещё — толстая папка с закладками. Лере, когда её провели мимо, мельком удалось увидеть на раскрытой странице список фамилий. Столбцы, цифры напротив. Она уверена, что видела свою — «Соколова». Но папку тут же прикрыли ладонью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.